

Некоторые вопросы изучения творчества Горького

Когда мы говорим о Горьком, в нашем сознании встает образ великого народного писателя. Он вышел из народа, глубоко знал народную жизнь, воплотил в своих произведениях порывы и стремления народной души, связал свою деятельность с ведущей и направляющей силой великой всенародной борьбы за счастье трудящихся — Коммунистической партией. Его произведения — широкая, многогранная, полная красок, движения картина, на которой народные массы изображены как могучая, решающая сила развития, определяющая судьбы истории.

Коммунистическая партия указывает на необходимость преодолеть отступления от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли народных масс и личности в истории. Партия указала на серьезные ошибки, допущавшиеся в пропагандистской работе, в политической, научной и художественной литературе, в постановках театров, в кинофильмах. До самого последнего времени мало, бледно, а иногда и ошибочно показывалась роль народа, роль Коммунистической партии.

Горький-художник сумел воплотить в ярких, глубоких, пластичных образах все области народной жизни. Он создал образы-типы огромного жизненного содержания, в которых воплощен русский национальный характер эпохи революций и борьбы за построение социализма.

Творчество Горького — величайшее богатство и величайшая сила в идейном и эстетическом воспитании поколений советских людей, в деле воспитания правильных представлений о жизни народа, о его исторической роли. Произведения Горького всем своим духом направлены против схематиков и догматиков, принижающих роль народа, роль народных масс во имя убогих антимарксистских схем, культа личности.

Но, чтобы овладеть этим богатством, нам нужно самим отрешиться от обедненного, узкого, схематического представления о творчестве Горького. Необходимо, чтобы это

творчество понималось во всей его глубине и сложности, понималось как исторически развивающееся, а не возникшее раз навсегда и остановившееся затем неподвижно. Должен быть преодолен упрощенный, вульгаризаторский подход к творчеству Горького.

Бесспорно, что идеи марксизма-ленинизма имели огромное значение для всей жизни, всего творчества Горького. Дружба Ленина и Горького, их совместная борьба за дело освобождения народа — драгоценнейший факт истории человечества. Но можно ли из этого делать вывод, что Горький, собственно, только иллюстрировал положения книг или статей классиков марксизма? А в «Лекциях по истории русской советской литературы», изданных МГУ, роман «Дело Артамоновых» рассматривается, в сущности, как иллюстрация к «Коммунистическому манифесту». Таким же методом широко пользуется А. Волков в своих книгах «Горький и литературное движение» и «Очерки русской литературы конца XIX и начала XX века».

Исследователь отмечает целый ряд внешних совпадений, фраз, сходных по звучанию, а затем говорит: «Влияние идей Ленина на Горького проявилось не только в непосредственных высказываниях и документах...» (Волков. «Очерки», стр. 218).

Это «на только» чрезвычайно показательно. На первом плане для А. Волкова стоят все же совпадения формул в публицистике, в статьях, а не художественное творчество, между тем именно в художественном творчестве Горького, в созданных им картинах общественной жизни прежде всего обнаруживаются вся сила и глубина идейности, революционности его творчества.

Книга А. Мясникова «М. Горький» также грешит иллюстративностью и чрезмерным вниманием к совпадению формулировок у Горького и вождей партии. А. Мясников обстоятельно пересказывает произведения, передает их содержание. Но — странное дело — эти произведения оказываются чрезвычайно похожими одно на другое. Как-то уходит на второй план то, что должно быть наиболее важным, — сти-

хия народной жизни, отраженная в романах и рассказах, в пьесах, те неповторимые, своеобразные характеры, которые создал Горький, пафос, атмосфера мысли и высокой страсти.

Горький — это новый шаг в художественном развитии всего человечества. Если же мы обратимся к трудам некоторых исследователей, то подчас кажется, что красота и неповторимость Горького для них могли бы не существовать. Для тех, кто сводит произведение искусства к иллюстрации того или иного, пусть самого правильного положения, не существует разницы между гениальным произведением и серым рассказиком: был бы примерчик, подтверждающий схему. От всего творчества Горького они оставляют только самые общие схемы, сводят неповторимое к общезвестному, своеобразное — к шаблонному.

Если мы хотим показать Горького, как великого народного художника, богатство его творчества, мы должны решительно преодолеть социологизаторское убожество!

На изучении творчества Горького отразились такие болезни нашей идеологической работы, как начетничество и догматизм. У Ленина есть замечательные слова о начетчике, «у которого в голове как будто ящик с цитатами, и он вытаскивает их, а случись новая комбинация, которая в книжке не описана, он растерялся и выхватывает из ящика как раз не ту цитату, которую следует».

Но ведь искусство не признает привычных комбинаций; подлинное искусство — всегда открытие, всегда новое, всегда неожиданное. Начетчику нечего делать с явлениями искусства. Поэтому он явления искусства сводит к тому, что ему привычно и хорошо известно, к чему-то унылому, абстрактному, серому и нейтральному. Он не способен к самостоятельным наблюдениям, боится сделать обобщение, не решается сказать новое слово. Его удел — бесконечное повторение пройденного.

В творчестве Горького раскрываются такие стороны, такие явления действительности, которые не могли быть раскрыты самыми гениальными художниками

прошлого. И поэтому необходимо говорить о том новом, что внес великий писатель в мировое искусство, о том, как он развивал классические традиции. Но есть работы, в которых обнаруживается стремление характерные черты социалистического реализма выводить из противопоставления их чертам реализма классиков. Так, А. Волков в своей книге «Горький и литературное движение» писал:

«В представлении Толстого, русскому народному характеру несвойственна героическая устремленность. Он видел в народе лишь прививаемую годами патриархальную мягкотелость... Толстому, провозглашавшему терпение и непротivление злу как норму общественного поведения, чужда была резкая постановка Горьким социальных вопросов даже в тех случаях, когда не шла речь о революционных методах борьбы».

У Толстого мы найдем немало скептических высказываний против ложной героики казенных батальных рассказов и урапатриотических пьес. Нет сомнения, что во взглядах Толстого на героизм русского народа отразились и его ложные воззрения на исторический процесс, фаталистическое представление о значении личности. Но значит ли это, что в своем творчестве Толстой был антигероичен? Великий художник правды жизни, он отражал эту правду часто и тогда, когда она вступала в противоречия с его субъективными взглядами. Достаточно вспомнить героев «Войны и мира» с их мужеством и самоотверженностью, чтобы понять, как относился Толстой к героизму и героям.

Русские люди, согретые «скрытым теплом патриотизма», не боящиеся смерти, спокойно и мужественно переносящие все испытания, — таковы простые, но героические образы, созданные Толстым.

Развивая героическое начало своего творчества, Горький опирался на лучшее, передовое в творчестве Толстого, Чехова, Короленко и других писателей. Надо правильно понимать творчество этих писателей как противоречивое, отражающее историческую сложность их идейного развития. И если мы стремимся раскрыть историческое превосходство Горького, то, думается, нужно сопоставлять сильные стороны его творчества не со слабыми сторонами его предшественников, а с их творчеством в целом, не обходя сильных сторон. А в некоторых книгах предшественники Горького поворачиваются самой невы-

годной стороной ради доказательства... исторического превосходства Горького. На самом деле героизм образов Горького можно и нужно сравнивать с героизмом лучших образов Толстого, Короленко, — новые черты русских людей, героев революционной эпохи, могут выдержать и такое испытание.

В книге «Творчество М. Горького» Б. Михайловского и Е. Тагера горьковская вера в народ, в человека, по сути дела, сопоставляется с пессимизмом, с безнадежностью сцен и образов народной жизни демократических писателей. Но ведь у каждого из этих писателей мы найдем образы людей ясномыслящих, талантливых, стремящихся к свету. Демократические писатели верили в здоровую духовную основу, в силу и возможности народа.

Б. Михайловский характеризует предшественников Горького односторонне, тоже поворачивает их к нам невыгодной стороной, отдает дань схеме, вместо того чтобы и Горького и его предшественников рассмотреть во всей сложности. Он добивается для великого писателя легкой победы, но нужна ли Горькому такая победа?

Величие Горького должно быть раскрыто не за счет умаления классического наследия. Величие творчества Горького может быть правильно понято только в том случае, когда со всей научной четкостью и глубиной будет рассмотрено и то, в чем он продолжал великие традиции русской и мировой классической литературы, и то, что он сделал нового как основоположник литературы социалистического реализма, как великий новатор, отразивший огромное, небывалое жизненное содержание.

Это работа, требующая смелости, самостоятельности, умения искать, проверять найденное и снова искать, работа, требующая творческого, новаторского подхода. Без преодоления схематизма, шаблона, абстрактного мышления нельзя решить ни одного вопроса изучения творчества Горького.

На недавнем совещании литературоведов, обсуждавшем работы, посвященные творчеству М. Горького, говорилось, что низок теоретический уровень ряда работ о творчестве великого писателя, — им не хватает философской глубины, умения понимать и осмыслить сложные проблемы. К числу таких вопросов и относится прежде всего вопрос о творческом методе Горького, о социалистическом реализме.

В ходе дискуссии справедливо оспаривалась точка зрения А. Тарасенкова и некоторых других критиков, которые

формирование социалистического реализма в творчестве Горького относили к послереволюционной эпохе, а в творчестве великого пролетарского писателя до 1917 года видели лишь попытки, зародышевые черты нового стиля. В чем ошибочность такой точки зрения? В том, что резкое обострение социальных противоречий, развертывание борьбы пролетариата, классовых битв, создание большевистской партии, формирование могучей идеологии марксизма-ленинизма с этой точки зрения оказывается недостаточной почвой для создания искусства социалистического реализма. Отвлеченные рассуждения уводят нас от главного: на какой идейной и социальной основе формируется метод социалистического реализма.

Этот вопрос имеет большое принципиальное значение, так как решение его связано с важным вопросом об отношении творчества к жизни и общественной борьбе, творческого метода — к мировоззрению. Правильное решение этого вопроса имеет большое значение и для наших друзей за рубежом. Если полагать, что социалистический реализм выступает только в стране уже победившего социализма, то ясно, что ни во французской литературе, ни в итальянском кино не может быть произведений социалистического реализма. Подобные взгляды, помимо всего прочего, могут неправильно ориентировать деятелей прогрессивной литературы за рубежом, снизить их идейные требования к своему искусству.

Огромное значение имеет и вопрос о революционной романтике. Совершенно необъяснимо то пренебрежение, с которым относятся некоторые литературоведы к вопросу о романтизме М. Горького. В книге С. Касторского «Статьи о Горьком» есть работа «Мать» М. Горького — произведение социалистического реализма». Уже самое название статьи обязывает автора рассматривать «Мать», как явление стиля, как произведение, созданное новым творческим методом. В работе тов. Касторского много ценных наблюдений, автор использовал большой фактический материал. Тем более удивительно, что в большой статье, занимающей почти 110 страниц, даже не ставится вопрос о романтизме, не говорится о романтике пролетарской борьбы, большевистского подполья, романтике мужества, стойкости, идейности, так ярко выраженной в бессмертном произведении Горького.

Думается, что упущение С. Касторского объясняется прежде всего дурной манерой многих исследователей ограничивать свою

работу фактическим материалом, историей создания произведений, текстологией при слаботи внимания к обобщениям, теоретическим выводам. Конечно, предварительная исследовательская работа является основой для выводов, но нельзя останавливаться на этой первоначальной стадии. Не учитывая романтических тенденций «Матери», исследователь обедняет творчество Горького, уходит от вопроса о безграничных возможностях охвата разнообразных жизненных явлений, присущих методу социалистического реализма. А ведь «Мать» дает прекрасный материал для большого, принципиального, поучительно-разговора о реализме и романтике.

После критики известных ошибок в вопросе о романтизме Горького некоторые исследователи решили прибегнуть к «фигуре умолчания». После критики серьезных недостатков опубликованных глав второго тома книги И. Груздева «Горький и его время» у нас не появилось никаких работ, посвященных биографии великого писателя. И в этом обнаруживается, насколько мы робко, нерешительно затрагиваем новые вопросы или вопросы, решая которые, можно впасть в ту или иную ошибку.

Это относится не только к изучению творчества Горького. Так, за последние годы ни один исследователь не обращался к творчеству такого большого русского писателя, как Достоевский. В сборнике статей «Классики русской литературы», выпущенном Детгизом, нет статьи об этом писателе. Советская общественность справедливо раскритиковала работы о Достоевском В. Кирпотина и А. Долинина, содержащие идеализацию творчества Достоевского, смягчавшие реакционность его взглядов.

Но партийная печать, указывая на необходимость критики ошибок, допущенных советскими исследователями, и разоблачения злонамеренной путаницы реакционных авторов, указывала вместе с тем:

«Можно приветствовать каждый новый труд, разоблачающий эту путаницу и помогающий лучшему пониманию сложного и противоречивого творчества Достоевского, не приукрашивая его и не уменьшая его достоинств, не пытаясь высокой художественной формой оправдать реакционную сущность мировоззрения писателя». («Культура и жизнь», 20 декабря 1947 г., № 35/54).

Партийная печать, раскритиковав работы ошибочные, призывала к созданию тру-

дов, верно освещающих вопрос, подлинно научных, смелых, глубоких.

Критика той или иной работы, критика положения на том или ином участке означает только то, что творческая жизнь на этом участке должна быть ключом. У нас же иногда бывает так: человека раскритиковали — он замолкает; указали на недостатки определенного участка — замирает деятельность на целом участке.

Такое странное восприятие критики привело к тому, что вопрос о романтизме Горького оказался неразработанным, неисследованным, хотя разработка этой проблемы имеет исключительное значение для всей советской литературы.

Наши литературоведы в долгу перед советскими писателями — они мало, плохо обобщают творческий опыт, творческие заветы Горького. Но повинны здесь и писатели. Мы знаем статьи великих художников, посвященные анализу творчества своих предшественников или собратьев, — и статью Гоголя о Пушкине, и «Миллон терзаний» Гончарова, и статью Некрасова, Толстого, самого Горького. Мы не знаем большой, развернутой статьи советского писателя о творческом наследии Горького.

Творчество Горького — великий пример для всех советских писателей, неоценимая помощь в их стремлении отразить правду жизни.

Один из коренных вопросов эстетики социалистического реализма — это вопрос о герое советского искусства. Горький подчеркивал, что учитель, деятель, строитель нового мира должен стать главным героем нового искусства. Он говорил, что люди, освобождающиеся от угнетения и насилия, вырастают «выше и крупнее всех героев всех народов и веков». Алексей Максимович подчеркивал задачу создания больших обобщенных образов, глубоких и ярких характеров.

У нас в литературе много примитивизма, серости, много бедных, неинтересных образов, много произведений, в которых простенькая схема подменяет богатство и сложность жизни.

Есть и такие писатели, которые готовы свести сложность жизни к болезненным изломам своих персонажей.

Великий Горький, создавший множество замечательно глубоких и воистину сложных характеров, показавший, что социалистическая литература способна создать многогранные, духовно богатые, сложные человеческие образы, в то же время резко и последовательно выступал против мнимой «сложности» упадочной буржуазной

литературы, против пестроты, расплывчатости, неопределенности характеров.

В литературе и критике встречаются еще восхваления сложности «вообще», и это дает возможность оправдывать, как сложность, — бесхребетность, пассивность, отсутствие ясности и цельности. Недавно в одной в общем полезной журнальной статье мы встретили такую мысль:

«Сознание человека — это чувствительная пленка, которая фиксирует конфликты внешнего мира, конфликты общественного развития. Внутренние противоречия составляют зерно характера человека» (В. Довбышенко, «Закон правды», журнал «Театр», № 12, 1952 год).

Но зерно характера — не во внутренних противоречиях! Марксистская диалектика учит, что противоречие осуществляется в форме ведущего противоречия. Зерно характера — это та определенность, которая отличает его от других характеров. Разве внутренние противоречия составляют зерно характера таких полюбившихся советским людям героев, как Корчагин, Воропаев, Батманов, Мересьев, молодоговардейцы? Нет, зерно, основа характера их, на которой и развертываются безграничное разнообразие и подлинная сложность индивидуальных черт и свойств, — величайшая идейность, нравственная цельность, мужество в борьбе, являющиеся определяющим началом характера. Те сомнения, противоречия, что возникают временами в сознании Павла Корчагина или Воропаева, только подчеркивают и полнее раскрывают силу ведущего начала их характеров.

Спору нет, могут быть персонажи, для которых внутренняя противоречивость, отсутствие определенности действительно составляют зерно характеров, ибо такова общественная позиция подобных персонажей. Стоит напомнить, как умели великие революционные демократы Чернышевский, Добролюбов высунуть исторические корни, порождающие такие характеры, и разоблачить неопределенность, бесхарактерность и противоречивость людей, стремящихся стать вне борьбы. Советский писатель может и должен смело бросать свет на самые различные явления, встречающиеся в жизни, но у него должен быть свой ясный и четкий взгляд на эти явления.

Подлинная сложность характера не в психологической запутанности, игре мелких страстишек. Объявлять внутреннюю противоречивость основным зерном характера — значит вести к натурализму, мешать раскрытию воистину сложных и бо-

гатых характеров, препятствовать созданию цельных и ярких типических образов. Следует видеть и то, что за раздуванием внутренних противоречий могут успешно прятаться битые сторонники теории бесконфликтности, готовые перенести жизненный конфликт в узкую сферу камерных переживаний и тем самым лишить его силы и значения.

Огромное значение имеет опыт Горького в создании образа положительного героя, и следует отметить и поддержать работы Н. Белкиной, А. Овчаренко, Б. Михайловского, Б. Бурсова, в значительной мере посвященные этой теме. Изучение высказываний Горького о герое литературы и обобщение его творческой практики должны образовать неразрывное единство.

Поднимаясь к высотам громадных обобщений, советское искусство вместе с тем все острее и глубже раскрывает, ярче изображает индивидуальное, конкретное, — и творческий опыт Горького помогает решать эту задачу.

Подчеркивая значение опыта Горького, нужно сказать и о том, что нельзя воспитывать хороший вкус, не показывая, что и у этого великого писателя были произведения более удачные и менее удачные, что Горький писал наряду с гениальными и вещи, которыми сам имел основание быть недовольным.

А. Мясников пишет о повести «Горемыка Павел»: «С замечательным мастерством раскрывая чистоту души этого убийцы (Павла Гиблого. — Б. Р.), Горький подчеркнул своей повестью, что в нечеловеческих условиях капитализма гибли простые, хорошие русские люди» (стр. 24).

Повесть «Горемыка Павел» носит еще следы ученичества: в ней есть ряд достоинств — взволнованность, правдивость многих деталей, но замечательным мастерством Горький тогда еще не мог похвастаться: повесть эта при жизни писателя так и не была опубликована.

Уравнивая все произведения писателя, мы не поймем новаторства Горького и поменяем новаторству в творчестве наших писателей. Ведь что такое фетишизация классики? Это прежде всего отрицание права на новаторство, на поиски новых путей, это восприятие наследия как мертвого и неподвижного.

Полной ясности требует вопрос об идейных ошибках и заблуждениях Горького. Неправильно и нетерпимо то, что некоторые исследователи, допуская отклонения от исторической правды и пытаясь улучшить историю, проходят мимо существен-

ных ошибок Горького. Это стремление при-сущее, в частности, А. Волкову. Наиболее отчетливо это выразилось при характеристике автором богостроительских шатаний писателя. А. Волков в своей книге «Горький и литературное движение» не сумел правильно оценить лекций Горького по истории русской литературы в антипартийной «каприйской» школе. Горький неправильно освещал взгляды Рахмиева, недооценивая революционные позиции этого великого писателя. Горький недооценил реалистическую сущность и глубокую связь с русской действительностью творчества Гоголя. Ошибочная оценка дана в лекциях творчеству Чернышевского, в частности его бессмертному роману «Что делать?». Увлеченный идеалистическими абстракциями Богданова, Горький не смог понять жизненного значения такого образа, как революционер Рахметов и другие образы романа «Что делать?».

В «Лекциях по истории русской советской литературы», изданных МГУ, умаляется о том, что известное письмо Горькому И. В. Сталина в 1930 году явилось ответом на ошибочные положения Горького, который в связи с широким развитием самокритики выражал опасение, как бы мы самокритикой не повредили себе. Горький недостаточно ясно понимал, что в этом деле «отрицательная сторона покрывается и перекрывается положительной». А в лекциях сообщается: «В 1930 г. Горький получил от товарища Сталина письмо, в котором развивалась мысль о критике и самокритике» (стр. 89).

Весь творческий путь Горького принадлежит истории, в нем поучительны и победы и поражения. Сила Горького заключалась в тесной связи с борьбой народа, с деятельностью партии. Слабость его заключалась в отступлениях от линии партии.

Еще недостаточно отметить ошибки, пересчитать их: Горький ошибался в вопросе о богостроительстве, в отношении к крестьянству, в оценке роли интеллигенции. Где ключ к пониманию связи этих ошибок?

Ключ этот дал Ленин, когда упрекал Горького в том, что тот пытается согнуться до общедемократической точки зрения вместо пролетарской, революционной (том 35, стр. 91).

Пролетарское революционное мировоззрение дает глубину и последовательность взгляда на самые сложные явления общественной жизни и борьбы. Передовая идея оплодотворяет, обогащает художественное

творчество; идея ложная, отсталая ведет к срывам и художественной фальши. И надо напоминать, что, обращаясь к советским писателям, Горький неустойчиво подчеркивал значение для творчества ясного и твердого мировоззрения, правильной точки зрения, широких знаний, глубокого изучения жизни.

Обращаясь к творчеству любого писателя, мы говорим о его творческой манере, о писательской индивидуальности. Еще мало работ о Горьком, отличающихся творческим подходом к вопросам, богатым свежими мыслями, глубоким самостоятельным анализом. Есть авторы, которые думают, что ими должны быть обязательно затронуты все вопросы, и «на всякий случай» вводящие в исследование многое такое, что прямо к делу не относится: они боятся от возможных упреков. Все это не что иное, как проявление теоретической робости, с которой надо покончить. Многие работы о Горьком не удовлетворяют и тем, как они написаны. Валий наукообразный язык, громадное количество цитат, стремление «охватить» все вопросы вместо целеустремленного решения конкретной темы — таковы распространенные недостатки.

Так же, как и обсуждение работ, посвященных творчеству Маяковского, дискуссия по горьковедению поставила и многие вопросы, общие для разных участников литературоведения. Необходимо, чтобы метод товарищеской дискуссии помог в решении ряда конкретных вопросов, таких, как вопрос о методе социалистического реализма, о положительном герое в творчестве Горького, о драматургии Горького, о биографии великого писателя и др.

Задача Союза советских писателей и Института мировой литературы состоит в том, чтобы закрепить известные достижения творческих дискуссий по литературоведению, отчетливо видеть слабые места литературоведения и критики и не от случая к случаю, а систематически влиять на ход дела.

Как никогда, советская общественность требует от нас творческой инициативы, смелости, целеустремленности в разработке сложных идейных вопросов. Работы о М. Горьком должны быть достойны великого писателя социализма, его вечно живого и действительного творческого наследия.